

СОПРОТИВЛЕНИЕ ШКОЛЫ обществу потребления

Дмитрий Григорьев,

старший научный сотрудник Центра теории воспитания Института теории и истории педагогики РАО, доцент, кандидат педагогических наук

Среди всех трансформаций в современном российском обществе самая стремительная и опасная и при этом внешне благообразная — превращение в *общество потребления*. Общество потребления претендует на репутацию полезного и содержательного, не являясь ни тем, ни другим. Оно характеризуется:

- утверждением в качестве базовых ценностей эгоистического прагматизма, утилитаризма, гедонизма. Человек превращается в «машину желаний», все его свободы замещаются одной — свободой потребления. При этом потребитель не волен отказаться или ограничить потребление, он волен лишь потребить то или другое;
- подменой реальности её имитацией. Одна из самых больших имитаций: общество потребления есть общество изобилия. О каком изобилии может идти речь, если подавляющее большинство его членов ощущает вечный, неутолимый *голод потребителя*: ведь нужно непременно купить то-то и то-то, съездить туда и туда, быть в курсе того и того, чтобы «соответствовать», т.е. быть конкурентоспособным и успешным членом общества, а не лохом, лузером, отстоем, «деревней»(!);
- введением моды как механизма манипулирования сознанием во все сферы общественной и частной жизни. Потребление распростра-

няется не только на вещи, но и на время, пространство, природу, на всё окружение человеческой жизни, на зрительные, звуковые образы, создаваемые СМИ, на политические, культурные отношения людей, в том числе — на образование;

- ориентацией на непрерывное производство новинок, стимулированием людей к их потреблению и, как следствие, — иронией и презрением ко всему старому и традиционному;
- деградацией смыслов труда и трудовой этики (в обществе потребления немало трудолюбивых, но работают они, чтобы больше и лучше потреблять, чтобы после месяцев трудовой гонки «зажигать» на Мальдивах или Канарах);
- атомизацией человеческого бытия, распадом традиционных форм социальности. Люди окружают себя таким количеством вещей, требующих постоянного ухода и внимания, что у них просто не остаётся времени на других людей;
- социальной пассивностью, дефицитом неденежных мотиваций в поведении и поступках людей.

Идеология общества потребления выбрала молодёжь как самую податливую социальную прослойку и требует её полномасштабной «экономизации». Юному человеку не дают возможности быть недопотребителем, стирают все его идентичности (страновую, культурную, религиозную, этническую, гендерную), кроме идентичности приобретателя, сковывают его свободу и делают приложением к вещам (компьютерам, мобильным телефонам, музыкальным хитам,

бестселлерам, блокбастерам и т.п.), превращают в зависимого и послушного «вещеглота». Совершается глобальная консьюмеризация (от англ. consumer — потребитель, или глагола to consume — потреблять) молодёжи — превращение молодых людей в адептов потребительской цивилизации и носителей прагматично-гедонистических мировоззренческих установок. Консьюмеризация изоощрённее других отрицательных тенденций — наркотизации, криминализации, маргинализации — ибо умеет поставить их себе на службу.

Должна ли школа противостоять консьюмеристскому тоталитаризму? Да. Может ли? В современном виде — нет. Сама школа — уже институт консьюмеризации. Очевидное подтверждение этому — переход многих школьных сообществ на язык образовательных услуг.

В одной из своих недавних статей выдающийся филолог и пушкинист В.С. Непомнящий привёл примеры изменений в русском языке, отражающих ценностный сдвиг в нашем сознании. Так, слово «трудно» фактически вытеснено словом «сложно». И если сказать «мне трудно сделать то-то или то-то» — значит признать, что у меня не хватает сил или желания на поступок, высказаться совестливо, то сказать «мне сложно» — это значит: так сложилось, от меня здесь ничего не зависит, снять с себя ответственность за происходящее.

Образовательная услуга — это тоже ценностный сдвиг. Мы вполне могли бы говорить на языке не предоставления услуг, но предоставления образовательных возможностей, образовательных ресурсов. Выбор понятия образовательной услуги есть знак нашего отказа от воспитания.

На мой взгляд, единственная школа, способная ответить на вызовы общества потребления, — это школа, творчески наследующая педагогику А.С. Макаренко. В ней культивируются ценности созидательной деятельности, заботы о другом, товарищества и взаимопомощи. Итак, что нужно делать в первую очередь?

Во-первых, школе нужно забыть про излюбленное морализаторство: противостояние обществу потребления — это напряжённая борьба за реальность, борьба с имитацией и симуляцией.

Во-вторых, учитывая, что потребительские установки проникли в педагогическую среду, педагогическим коллективам необходимо осознавать свою социальную, культурную и историческую миссию, выводить потребительские ценности и установки из педагогического обихода.

Третье. На фоне кризиса трудовой культуры и этики недостаточно традиционной ссылки школы на учение как труд. Уже сегодня мы сталкиваемся с предельной прагматизацией школьного учения (его «заточенностью» под поступление в вуз, делением учебных предметов и знаний на нужные и ненужные и т.д.). Прагматизм уничтожает в сознании ученика ценность «трудности» учебной деятельности, выводит на первый план успешность, достижимость. Школе будущего только предстоит вернуться к учебному труду. Убеждён, для этого учение снова должно стать привилегией — но не в смысле доступности лишь избранным, как это было в доиндустриальном мире, а привилегией по-настоящему проблемного, творчески трудного Дела среди облегчённых, автоматизированных и компьютеризированных жизненных практик, коими информационное общество насыщает нашу повседневность.

Четвёртое. Учебного труда мало. Необходимо создавать возможности для производственного воспитания школьников. Прав Ю.В. Крупнов, когда пишет, что в привычности словосочетания «трудовое воспитание» пропадает главное в проблеме труда: какой именно труд, какого уровня, типа и степени совершенства. А.А. Фролов подчёркивает, что для А.С. Макаренко в воспитании важен не сам по себе трудовой процесс — то есть не определённая последовательность действий, ведущая к определённому результату (это «труд-работа»), и не овладение необходимыми для работы знаниями и навыками (это «труд-учёба», обучение труду). Сфера воспитания — это принципиально иная организация труда, способ объединить работающих, управлять ими так, чтобы придать особый характер

взаимодействию и отношениям в процессе труда, а самому труду — духовно преобразующую сущность. Воспитывающий труд — это «труд-забота».

Воспитывать и образовывать может, главным образом, передовой труд, т.е. наукоёмкий, высокотехнологичный, субъектом которого выступает общность (сообщество); создающий высокое качество жизни; персонально организованный; имеющий высокую рентабельность; повышающий квалификацию работающих.

Такое качество труда достижимо в условиях *детско-взрослого образовательного производства*. Это передовое наукоёмкое и прибыльное (рентабельное) производство, в котором детский коллектив в образовательных целях занимает ведущие управленческие и исполнительские должности, что позволяет детям непосредственно участвовать в организации образцового труда и деятельности, а также в их описании, проектировании и перепроектировании. Для выполнения же наиболее сложных и ответственных работ и консультационных функций приглашаются взрослые профессионалы.

Пятое. Ответом на тоталитаризм масс-медиа, рекламирующих ценности общества потребления и утверждающих моду на всё и вся, может быть работа школы по развитию критического мышления у школьников (в том числе, в отношении медийных текстов), воспитание способности противостоять различного рода манипуляциям (например, через участие в проблемно-ценностных дискуссиях, молодёжных переговорных площадках с государственными и общественными институтами).

Шестое. Школа может и должна отказаться от копирования «потребительских» досуговых форм, предлагаемых массовой культурой и масс-медиа, должна искать и находить иные, созидательные образцы досуга (экологический туризм, образовательные путешествия, экспедиции, актуальный театр, социально значимые коллективные творческие дела и т.д.).

Седьмое. Школа может и должна отказаться от имитационного самоуправления и выйти на самоуправление по-макаренковски как передачу учащимся некоторой сферы персональной ответственности и ресурсов для её освоения. Самоуправление — это всегда показатель того, что и насколько глубоко усвоили от нас дети, воспроизводят ли они это без нас, является ли это для них ценностью. И если сегодня мы играем в самоуправление детей, это значит, что нам в гражданском смысле нечего им передать.

Восьмое. Школа может и должна быть местом, где преодолевается консьюмеризм семьи, характерный для многих современных «ячеек общества». Подчас дети из таких семей ни разу не были с родителями в театре, музее, на экскурсии, на регулярно посещают супермаркеты и развлекательные центры. Совместное приобретение — единственное, что ещё как-то удерживает вместе членов этих «фамильонов» (термин писателя Алексея Иванова).

Конечно, школе непросто втянуть консьюмеристские семьи в свой, непотребительский образ жизни. Но пробовать стоит. И тем более стоит — это **девятое** — формировать у детей ценность общности с другими людьми, способность входить в существующие и создавать новые общности. А.С. Макаренко умел это, как никто другой. Нам остро нужны его уроки.

Потрясающе точно замечено В.С. Непомнящим, что кредо общества потребления — слова обаятельной героини знаменитого фильма «Унесённые ветром»: «*Я пойду на всё, но никогда больше не буду голодать*». В русской культуре тоже есть своё кредо, выраженное словами А.С. Пушкина:

Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.

Это — аристократическая формула достоинства и ответственности, ответственности духовной. Это цель воспитания по-пушкински и по-макаренковски. Это должно быть целью современной и будущей российской школы. **НО**